

МЕТОДОЛОГИЯ НЕОКАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ПЕРЕХОД ОТ «ДОЛЖНОГО» К «СУЩЕМУ»

© 2023 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2022 г.

Аннотация. В статье показано влияние кантианской философии на юриспруденцию. С позиции неокантианства право и государство – не объективные «вещи в себе», а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Право двойственно: как предмет логики и как социальное явление, включенное в общественные отношения в качестве их регулятора. В понятии права выделяются рациональный и иррациональный элементы. Согласно неокантианской методологии государство может быть предметом исследования как номотетических (государство – факт повторяющийся), так и идиографических (государство – явление уникальное) наук. Обосновано, что в русской философии права XIX – начала XX в. неокантианской направленности особое значение уделялось проблемам поиска общественного идеала, связанности государства правом, теме правового государства, основой которого выступает самодостаточная личность. Этико-юридической основой неокантианской философии права в России стала идея Канта о свободе личности, ее автономии, о внешней охране всех членов общества со стороны государства с помощью норм права и невмешательстве во внутренний мир человека. В конце XIX – начале XX в. философия Канта была экстраполирована на условия исторической действительности того периода в виде требований юридического обеспечения прав и свобод личности в условиях правового государства.

Ключевые слова: философия права, история политических и правовых учений, неокантианство, категорический императив, автономия воли, личность, право, государство.

Цитирование: Фролова Е.А. Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42–49.

DOI: 10.31857/S102694520025622-5

METHODOLOGY OF THE NEO-KANTIAN PHILOSOPHY OF LAW: THE TRANSITION FROM “DUE” TO “BEING”

© 2023 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Received 27.04.2022

Abstract. The article shows the influence of Kantian philosophy on jurisprudence. From the position of neo-Kantianism, law and the state are not objective “things in themselves”, but transcendental logical constructions of the cognizing subject. Law is twofold: as a subject of logic and as a social phenomenon included in social relations as their regulator. In the concept of law, rational and irrational elements are distinguished. According to neo-Kantian methodology, the state can be the subject of research both nomothetic (the state is a recurring fact) and idiographic (the state is a unique phenomenon) sciences. It is shown that in the Russian Philosophy of Law of the 19th – early 20th centuries of the neo-Kantian orientation, special attention was paid to the problems of finding a social ideal, the connectedness of the state by law, the theme of a legal state, the basis of which is a self-sufficient person. The ethical and legal basis of the neo-Kantian Philosophy of Law

in Russia was Kant's idea of individual freedom, its autonomy, of the external protection of all members of society by the state with the help of the rule of law and non-interference in the inner world of a person. In the late 19th – early 20th centuries, Kant's philosophy was extrapolated to the conditions of the historical reality of that period in the form of requirements for the legal provision of individual rights and freedoms in a legal state.

Key words: Philosophy of Law, history of political and law doctrine, neo-Kantianism, categorical imperative, autonomy of will, personality, law, state.

For citation: *Frolova, E.A. (2023). Methodology of the neo-Kantian Philosophy of Law: the transition from “due” to “being” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 42–49.*

Философия права И. Канта, актуальная более двух веков, продолжает оставаться востребованной, выступая предметом пристального внимания философов, юристов, социологов, психологов. В европейской правовой науке XX в., ориентированной на кантианскую методологию (Г. Кельзен, Г. Коген, Г. Радбрух и др.), вновь поднимаются проблемы теоретического обоснования идеи права. Масштаб проблем, заданный Кантом, сложно переоценить – вопросы соотношения моральности и легальности по-прежнему остаются в центре внимания политико-правовой мысли.

Возможность рецепции идей немецкого мыслителя определяется методологическими и ценностными установками каждого исследователя, а также идеологическими запросами конкретного общества. Для социальных наук, к которым относится юриспруденция, методология кантианской философии представляет особый интерес, поскольку при исследовании права как важнейшего социального регулятора, неизбежно встает вопрос об оценке этого феномена, а значит, привносится в предмет изучения субъективный момент его восприятия. На таком характере исследования наук настаивали последователи философии Канта – неокантианцы. Согласно их взглядам, социальные науки, оперирующие общими понятиями (в отличие от естественных наук) всегда содержат субъективный компонент. Неокантианство представляет собой совокупность философских идей, основывающихся на критической философии Канта и ставящих цель преобразовать и развить его систему. Главную роль в развитии этого направления сыграли марбургская и баденская школы неокантианства¹.

¹ Марбургская школа оформилась в 70-е годы XIX в. (в Германии – Г. Коген, П. Натторп, Э. Кассирер, А. Риль, Р. Штаммлер, в России – В.А. Савальский, С.Л. Рубинштейн, Б.П. Вышеславцев, отчасти Н.Н. Алексеев и др.), баденская – в 80-е годы XIX в. (в Германии – В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Радбрух, в России – Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, С.И. Гессен, В.М. Хвостов, отчасти Ф.А. Степун и др.) (см.: *Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019; Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2018).*

Одна из значимых тем кантианской философии – этика. Согласно Канту, законы свободы в отличие от законов природы считаются моральными. Если законы относятся только к внешним поступкам человека, они называются юридическими; если выдвигается требование, чтобы законы выступали в качестве определяющих оснований поступков, они называются этическими. Познать нравственность, по Канту, возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом, закон добра должен основываться не на гетерономной (внешней) воле, а иметь источник в своем внутреннем законе (отсюда – самозаконность воли). Ценностное понимание личности и связанность членов общества проявились у Канта в двух формулах понятия категорического императива. Первая гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»². Вторая формула предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»³. Помимо аксиологического компонента во второй формуле категорического императива выражена важная мысль о необходимости достойного поведения самого лица: необходимо вести себя таким образом, чтобы в тебе могли видеть эту «цель».

Согласно философии Канта, свободная воля позволяет человеку делать необходимый выбор – это дело каждого индивида в отдельности. Благодаря своей свободной воле каждый человек вправе искать счастье на том пути, который он для себя выбрал, с единственным ограничением: если только он не наносит этим ущерб свободе других лиц. Кант полагал, что никто (ни отдельное лицо, ни общество, ни государство) не может принуждать человека быть счастливым по какому-либо известному им образцу. В этом положении заключается понимание свободы членов общества в условиях правового государства. Кант негативно относился

² *Кант И. Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 83.*

³ Там же. С. 90.

к «отеческому правлению», при котором подданные, как дети, неспособны решить, что для них хорошо, что плохо, все лица принуждаются к пассивному состоянию ожидания от главы государства рецепта надлежащего для них поведения, правитель, разъяря подвластным, как именно надлежит им быть счастливыми, уничтожает свободу и права граждан. Такое состояние общества Кант называл «величайшим деспотизмом»⁴.

Одна из задач этики Канта — показать долженствование в чистой форме, т.е. отделить поведение от субъективных предположений о желаниях других лиц, от собственных интересов, сиюминутных настроений и т.п. Человек, по мысли Канта, должен поступать нравственно независимо ни от каких причин, руководствуясь только принципом долга — в этом состоит суть нравственного долженствования как мотива морального поведения. Этот формальный принцип требует, чтобы желания и действия лица подчинялись норме, но ничего не говорит о ее содержании⁵. В конце XIX — начале XX в. неокантианцы (В. Виндельбанд, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов и др.), развивая философию Канта, полагали, что в отдельных этических предписаниях наряду с общим принципом должно находиться частное содержание нравственного сознания, которое не выводится из принципа, а определяется эмпирическими условиями. Таким образом, по их мысли, проявляется исторический элемент этических предписаний.

Существование само по себе не имеет нравственной ценности. Для возможности этических суждений об обществе (и о человеке) необходимо иметь задачу, от выполнения или невыполнения которой зависела бы их ценность. Если материальный принцип нравственности следует искать в отношении личности к обществу, то последнее должно мыслиться не просто как сосуществование массы людей, а как телеологическая система, выполняющая свой долг и определяющая долг его членов. Если свобода личности заключается в автономии воли, а равенство есть необходимое условие проявления воли индивида, то применительно к обществу можно сказать, что свобода есть «независимость от чужой воли», а равенство — «принцип взаимных обязательств».

⁴ Кант И. Соч.: на нем. и рус. яз. М., 1994. Т. I. С. 285.

⁵ П.И. Новгородцев замечал, что кантовский категорический императив боится соприкосновения с внешним миром и замыкает нравственную жизнь в область чистой воли (см.: Новгородцев П.И. Учение Канта о праве и государстве // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 315, 316; Его же. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 84; и др.).

Согласно неокантианской философии, этика имеет социальную природу: обязанности отдельных людей вытекают из обязанностей общества. По Виндельбанду, «уважение к чужой жизни и собственности, подчинение индивидуальных желаний общественным потребностям, повиновение единичной воли закону целого» — эти и другие веления «с телеологической последовательностью вытекают из требования социального настроения, как необходимые частные условия реализации этого настроения в отдельных областях общественной жизни»⁶. Нравственные и правовые предписания не основаны на каких-либо «прирожденных правах» личности. По сути, это обязанности личности по отношению к обществу и его отдельным членам: мое право заключается в том, что другие имеют обязанности по отношению ко мне.

Однако не все сторонники неокантианской философии считали, что исключительно социальные обязанности наполняют содержание нравственности. Так, согласно П.И. Новгородцеву, нравственность должна быть понята прежде всего как закон личной жизни. Нравственность, как и право, следует изучать не только (и не столько) как общественное явление, но как внутренне-психическое индивидуальное переживание, «как норму или принцип личности»⁷. Тем не менее эти идеи не противоречат основному посылу неокантианской философии — мораль должна стать осуществляющимся законом жизни. Поэтому основной метод восполнения учения Канта у его последователей — это реализация должного перехода от формальной этики к философии права, в которой соединяются предписания нравственного закона и политико-правовые явления⁸. Право и государство — не «вещи в себе», а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Конкретно-историческое явление всегда есть результат пересечения различных причинно-обусловленных рядов в известный момент времени и в определенном пространстве. В таких условиях люди стремятся установить более справедливое общество по сравнению с существующим, и в этом заключается их неотъемлемое требование.

Тема этического долженствования — доминирующая в критической философии Канта, под ее влиянием особое значение получила аксиология, составив важную часть философии права.

⁶ Виндельбанд В. Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 284.

⁷ Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 78, 79.

⁸ П.И. Новгородцев замечал, что «автономный закон личной воли сам собою переходит в нравственную норму общности, а эта последняя становится основой личной жизни...» (см.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 108).

Правовой механизм представляет собой сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права претворяет в социальных отношениях необходимое в должное. Долженствование предполагает свободу личности. По своей сути долженствование всегда обращено к воле лица, оно с необходимостью предполагает возможность «нравственного желания», возможность выбора, следовательно, оно не может рассматриваться без свободной воли лица. В то же время все поступки человека подчинены законам причинности. Телеологический метод устанавливает систему этики, которая не исчерпывается абстрактными конструкциями, а проецируется на потребности и интересы людей в обществе, создавая регулятивные идеи и социально-правовые идеалы⁹.

Таким образом, в неокантианской философии права понятия права и морали наполнялись содержательным компонентом, что обусловило вопрос соотношения «общественного» (теоретический разум) и «идеала» (практический разум). Вместе с тем можно согласиться с мнением П. И. Новгородцева о тщетном результате такого поиска: «Вера в возможность найти социальный идеал с безусловно-совершенным содержанием пробуждает одних возлагать на лучшее будущее преувеличенные ожидания, а других, обнаруживающих в этом ожидаемом будущем известные недостатки, — подвергать его безусловному отрицанию. Но то и другое отношение основано на ложном представлении, будто бы в каком-нибудь конкретном идеале может воплотиться абсолютная нравственная идея». Необходимо, по его убеждению, стремиться к «усовершенствованию данного и к исканию высшего»¹⁰.

Согласно неокантианцам, право относится к различным сферам человеческой жизни и деятельности, следовательно, его понятия должны быть различны¹¹. Природа права имеет двойственный характер: оно есть явление (социальное, психическое) и понятие (государственно-организационное, нормативное). При этом право не сливается с какой-либо одной из этих областей, а сохраняет свою автономность и самоценность. Особое значение в неокантианской философии уделялось

нормативному понятию права (право есть норма, противопоставляемая природным законам). Обладать должным, к которой относится право, противостоит сфере необходимого, безраздельно господствующего в природе. Для представителей баденской школы неокантианства такая трактовка права получает идеальное обоснование в идее «чистой ценности» и проявляется в понятии «культурного блага». По мнению Б. А. Кистяковского, нормативное понятие права определяет его правовой характер, смыкается с областью чистых этических ценностей, оставаясь одним из важнейших культурных благ. Понимаемое таким образом право (как «этически должное») методологически противостоит трактовке права как приказу суверена в рамках теории юридического позитивизма.

В неокантианской философии права уделялось большое внимание категориям «возможность» и «долженствование». Утверждалось, что то, что с позиции нравственности «можно», одновременно и «должно». Нравственность требует ясности и определенности. В силу этого нравственное поведение оценивается как добродетель, т. е. как способность добра, как реальное осуществление должного. В праве «возможность» не означает долженствование. В этой области присутствует свободный выбор вариантов поведения, право не требует с необходимостью добродетели. Кроме этого в сфере нравственности в большей степени проявляется эмоциональное отношение к ценностям, а право предполагает скорее рассудочный выбор линии поведения.

Согласно подходу русских юристов-неокантианцев, «науки о культуре» (к которым относится наука о праве) в отличие от естественных наук («наук о природе») стремятся к синтезу. К концу XIX в. в правоведении было выдвинуто требование создать общее учение о праве, что не означало директивного установления методологического монизма в правовых исследованиях. Научные понятия права (государственно-организационное, социологическое, психологическое, юридико-догматическое, юридико-политическое), как показал Б. А. Кистяковский, не могут и не должны быть сведены друг к другу, так как между ними нет логической подчиненности. Обнаружение синтетического понятия права возможно только в метафизике¹². Право двойственно: с одной стороны, оно — предмет логики, существует в сфере мысли, с другой — социальное явление, включенное в общественные отношения в качестве их регулятора. Эта двойственность создает трудности для уяснения содержания права, в котором выделяются *рациональный* и *иррациональный* элементы.

⁹ См.: Чочова М. Справедливостта като основен принцип на правовата държава // За ценностите в правото: сб. с доклади и статии от науч. конф. по случай 120-годишната от рождение-то на проф. д-р Цеко Торбов, проведена в Нов български университет на 15 май 2019. С. 333–240.

¹⁰ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1903. С. 289.

¹¹ О методологическом разграничении правовых концепций см.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост., прим., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998. С. 192, 193.

¹² См.: там же. С. 195.

Поскольку право состоит из норм, оно есть нечто рациональное: подобно понятиям, создается разумом, без которого нормы не могут быть ни созданы, ни сформулированы. Норма представляет собой правило поведения, результат сознательной (разумной) деятельности человека. Нормы права выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. Нормативный характер права заключается в его независимости от каких-либо внешних авторитетов или внутренних мотиваций поведения человека. Правовой норме присуща общность: нормы права заключают в себе правило, согласно которому при определенных обстоятельствах необходимо действовать известным образом; общность имеет логический характер: правовые нормы устанавливаются для лиц, определяемых видовыми признаками (граждане, супруги, несовершеннолетние, военнослужащие, пенсионеры и др.). Логическая общность норм права сближает ее с логическим понятием, однако правовая норма сложнее ввиду ее двойного характера: общности положения и общеобязательности характера.

Вместе с тем право включает в себя не только правовые нормы, но является фактом социальной жизни. Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности, которые всегда конкретны, единичны и индивидуальны. Такой же характер носят и правовые отношения. В этой индивидуализации процесса правовой реализации проявляется иррационализм права. Если взять субъективное право в действительной жизни, а не в теории, то оно представляет собой конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный момент времени. По своей логической природе субъективное право противоположно объективному: объективное право — это совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное право — совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Юридические факты, влияющие на движение правовых отношений, всегда индивидуальны, неповторимы и потому безусловно иррациональны. В постоянном процессе меняющихся правовых явлений постепенно возникают новые правовые образования. Это фактическое право существует какое-то время в виде иррациональных правовых фактов; рационализация социальных отношений с помощью правовых норм наступает позднее.

Русские неокантианцы критиковали теорию юридического позитивизма, представители которого отождествляли субъективное и объективное право. Применение права, по мнению позитивистов, сводится к простому подведению частного случая под общую норму — логическую операцию построения известного силлогизма, где норма

права — большая посылка, случай, к которому она применяется, — меньшая посылка, само применение — заключение. Право, подчеркивал Б.А. Кистяковский, нельзя сопоставлять с научной истиной, нравственным совершенством, религиозной святыней, которые имеют абсолютный характер. Право относительно, его содержание определяется изменчивыми социальными условиями¹³. Однако из всех формальных ценностей право в большей степени воздействует на поведение человека; являясь социальным регулятором, оно создает внешние условия для проявления внутренней свободы человека.

В этой связи следует подчеркнуть дисциплинирующее значение права: во многом благодаря этому социальному регулятору, как замечал Б.А. Кистяковский, справедливость превращается из душевного настроения в жизненное дело. Основываясь только лишь на этических предписаниях, нельзя построить конкретных общественных учреждений. Любая общественная институция воплощается в нормах права, регламентирующих ее деятельность, поэтому его предписания должны иметь силу и действовать независимо от того, какие политические направления господствуют в стране. По своему существу право должно стоять над политическими партиями, его авторитет должен заключаться в неуклонном соблюдении правовых норм, а не в каких-либо внешних влияниях.

Важная тема неокантианской философии — познание сущности государства. Последователи Канта утверждали, что различие методов социальных наук обусловлено не разностью предметов, а целями, которые ставит перед собой ученый: одну и ту же действительность можно рассматривать с позиции различных научных стилей, следовательно, содержание предмета зависит от того, с какими целями подходить к его изучению¹⁴. В таком понимании методология представляет собой предварительную науку о целях познания или о тех принципах, которые предшествуют науке. Поэтому неокантианцы баденской школы выступали за самостоятельное направление в логике и методологии, по-своему определяющее понимание государства. Наука о государстве в конце XIX — начале XX в. находилась в состоянии кризиса, причина которого заключалась в недостаточной ясности ее целей и задач. Преодолеть кризисное состояние

¹³ Идея относительности (изменяемости) правовых предписаний при абсолютности (неизменности) нравственных требований лежит в основе концепции «возрожденного» естественного права, предложенной и развитой неокантианцами (Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой и др.).

¹⁴ См.: Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. М., 1904. С. 238–240.

в государствоведении сторонники критической философии предлагали с помощью правильно выбранного метода.

Баденская школа выделила два рода опытных наук: обобщающие и индивидуализирующие. Первые из них — науки о законах, учат тому, что имеет место всегда, вторые — науки о событиях, изучают то, что случилось однажды. Науки о законах (науки об общем) являются науками «номотетическими» (или «номологическими», «номографическими»), а науки о событиях (исторические науки) — «идиографическими» (науки об индивидуальном, единичном). Согласно неокантианцам, эта методология классифицирует только приемы познания, а не его содержание: один и тот же предмет может одновременно являться объектом как номотетического, так и идиографического исследования (язык, подчиненный законам своих форм, носящих неизменный характер, есть единичное явление в общей эволюции человеческого языка).

Этот подход оказал существенное влияние на государствоведение. С точки зрения неокантианцев, государство может быть предметом исследования как номотетических (государство — факт повторяющийся), так и идиографических (государство — явление уникальное) наук. Государственные явления не относятся к числу механически повторяющихся событий, отдельные закономерности в проявлениях государства носят характер тенденции. От кантианской философии в юриспруденцию проникла мысль, согласно которой социальные явления, в том числе государство, определяются индивидуальными аспектами деятельности человека. Каждое социальное явление обладает качеством неповторимости.

Согласно неокантианской философии задача государствоведения заключается не столько в отыскании общих законов, сколько в обнаружении аналогичных явлений и установлении типов для последующих классификаций политико-правовых явлений. В науке о государстве неокантианцы выделяли две части: одна — историко-описательная (предмет изучения — индивидуально-определенный вид государства, дается описание государства во временной последовательности), другая — обобщающая (исследуются типичные характеристики государства и явления его повторяемости).

Согласно этому подходу государство — сложный феномен, предполагающий различные уровни исследования, его нельзя познать, используя только какой-либо один метод (социологический, исторический, юридический). Познание идеи государства возможно в двух основных направлениях: во-первых, размышляя о понятии государства и формируя государственно-правовые теории; во-вторых, воплощая

эти теории в историческое бытие политических, государственных, правовых институтов.

Государство, по мысли неокантианцев, есть не эмпирически данное явление или элемент социально-политической жизни, а идеал, в связи с чем его понятие следует расценивать как понятие культуры (Г. Коген). Основоположник марбургской школы настаивал на связи государства с нравами людей, что, по его мнению, создает идеал правового государства. Государство не самодостаточно и должно соотноситься со своей деятельностью с вышестоящими требованиями права. Отсюда — особое отношение неокантианцев к разработке темы связанности государства правом и проблемам правового государства, основой которого должна выступать самодостаточная полноправная личность.

Идея человечности в смысле цели становится идеей социализма — чтобы каждый человек определялся как конечная цель, как «самоцель». В социалистическом государстве появится новый перечень прав на услуги со стороны государства: право на труд, на развитие каждым индивидом своих способностей, на удовлетворение своих неотъемлемых потребностей. Эти права, по оценкам Б.А. Кистяковского, являются социалистическими и образуют единую формулу «права на достойное человеческое существование». Русские неокантианцы восприняли социализм как недостижимый нравственный идеал (отсюда и его критика), путь к которому лежит через реформирование общества.

Стремясь соединить идеальные формы права и государства с эмпирикой общественных явлений, представители европейской и русской неокантианской философии последовательно выступали против насильственного уничтожения существующего общества и радикальной замены его новым порядком, который обеспечил бы гармонию безгосударственного будущего. Одна из практических задач виделась ими в отыскании мирных путей развития общества в условиях столкновений интересов различных классов для сосуществования в организованном социуме¹⁵. Основу неокантианских концепций создавала уверенность в позитивном значении традиции, права, государства, хотя эти начала нуждаются в отыскании разумной меры своего влияния на человека и общественный порядок. Поэтому, как ни абстрактна, на первый взгляд,

¹⁵ В качестве общественного идеала представитель марбургской школы неокантианства Р. Штаммлер обосновывал «общество свободно хотящих людей» (см.: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908. С. 34, 35). О переменном характере естественного права см.: *Его же*. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование. М., 2010. С. 166–168.

тема поиска общественного идеала, она задает необходимые границы деятельности государства.

Как известно, правовые порядки борются между собой за господство в государственной жизни, новое право стремится уничтожить противостоящее, бывшее право. Получается, что внутри одного государства сталкиваются друг с другом два правопорядка, из которых каждый претендует на роль действующего, а не только должностного быть созданным правом. Основываясь на противоположных принципах и желая по существу регулировать одни и те же области, они вступают между собой в конфликт, который нельзя разрешить формулой «последующий закон отменяет предыдущий», здесь имеет место конфликт не законов, а идей, принципов, где победу одерживает не юридическая сила правовых актов, а их ценность. Прав Г. Еллинек, считая, что в таких спорах стоят «не закон против закона», а «идея против идеи», «принцип против принципа»¹⁶. На это же обращал внимание русский кантианец В. М. Хвостов: «Истинные идеи рано или поздно пролагают себе дорогу в народные массы, овладевают ими и, в конце концов, одерживают победу над упорной традицией»¹⁷. Провозглашая автономию воли, юристы-неокантианцы настаивали на необходимости личного протеста в рамках несовершенной действительности и поиска прогрессивных форм участия в деятельности государства через представительство и референдум (П. И. Новгородцев).

По силе своего влияния неокантианство во второй половине XIX – первой четверти XX в. преодолело рамки философии, выступив не только социальной программой политических учений, но главным образом доктринальным мировоззрением, определившим области культурной и общественной жизни. Представители русского неокантианства стремились к выделению нравственно-онтологических основ жизни и национальной независимости, их идеи развивались преимущественно под эгидой баденской школы. Причина этого явления заключалась в близости установок отечественных юристов к ценностным принципам философии В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Проблемы гносеологизма марбургской школы, за редким исключением (В. А. Савальский¹⁸), не были поняты и востребованы русской юридической мыслью.

¹⁶ Еллинек Г. Борьба старого права с новым. М., 1908. С. 17, 22, 47, 49.

¹⁷ Хвостов В. М. Очерк истории этических учений: курс лекций. М., 2016. С. 6.

¹⁸ В. А. Савальский, ученик сторонника баденской школы неокантианства П. И. Новгородцева, разделял идеи Г. Когена (см.: Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Натторп, Штаммлер и др. М., 1908. Т. 1).

Первоначальный интерес отечественных мыслителей к исключительно философским проблемам постепенно сместился в сторону решения онтологических вопросов права и государства и стремлению реализовать идеальные построения на практике.

* * *

Юридической основой неокантианской философии права в России стала идея Канта о свободе личности, ее самодостаточности, о внешней охране всех членов общества со стороны государства с помощью правовых предписаний и невмешательства во внутренний мир человека. Ценностная составляющая философии Канта была экстраполирована на условия исторической действительности конца XIX – начала XX в. в виде требований юридических гарантий прав и свобод личности в условиях уже не только правового, но и социального государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виндельбанд В. Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М., 2011. С. 284.
2. Еллинек Г. Борьба старого права с новым. М., 1908. С. 17, 22, 47, 49.
3. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2018.
4. Кант И. Критика практического разума. 3-е изд. СПб., 2007. С. 83, 90.
5. Кант И. Соч.: на нем. и рус. яз. М., 1994. Т. I. С. 285.
6. Кистьяковский Б. А. Философия и социология права / сост., прим., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998. С. 192, 193, 195.
7. Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 78, 79.
8. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 84.
9. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1903. С. 289.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 108.
11. Новгородцев П. И. Учение Канта о праве и государстве // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 315, 316.
12. Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Натторп, Штаммлер и др. М., 1908. Т. 1.
13. Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. М., 1904. С. 238–240.
14. Фролова Е. А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2019.

15. *Хвостов В.М.* Очерк истории этических учений: курс лекций. М., 2016. С. 6.
16. *Чочова М.* Справедливостта като основен принцип на правната държава // За ценностите в правото: сб. с доклади и статии от науч. конф. по случай 120-годишната от рождението на проф. д-р Цеко Торбов, проведена в Нов български университет на 15 май 2019. С. 333–240.
17. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М., 1908. С. 34, 35.
18. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование. М., 2010. С. 166–168.
8. *Novgorodtsev P.I.* Kant and Hegel in their teachings on law and the state. Two typical constructions in the field of Philosophy of Law. М., 1901. P. 84 (in Russ.).
9. *Novgorodtsev P.I.* Moral idealism in the Philosophy of Law (On the question of the revival of natural law) // Problems of idealism. М., 1903. P. 289 (in Russ.).
10. *Novgorodtsev P.I.* On the social ideal. М., 1991. P. 108 (in Russ.).
11. *Novgorodtsev P.I.* Kant's doctrine of law and the state // Questions of philosophy and psychology. 1901. Book 58. P. 315, 316 (in Russ.).
12. *Savalsky V.A.* Fundamentals of the Philosophy of Law in scientific idealism. Marburg School of Philosophy: Cohen, Natorp, Stammler et al. М., 1908. Vol. 1 (in Russ.).
13. *Taranovsky F.V.* Legal method in state science. An outline of its development in Germany. Historical and methodological research. М., 1904. P. 238–240 (in Russ.).
14. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – first half of the XX century). М., 2019 (in Russ.).
15. *Khvostov V.M.* An essay on the history of ethical teachings: a course of lectures. М., 2016. P. 6 (in Russ.).
16. *Chochova M.* Justice as a fundamental principle of the Rule of Law // For the value of the truth: a collection of reports and articles from the scientific Conf. on the case of 120-year-old from birth to Prof. Dr. Tseko Torbov, conducted at the New Bulgarian University on May 15, 2019. P. 333–240 (in Russ.).
17. *Shtammler R.* The essence and tasks of law and jurisprudence / transl. from German V.A. Krasnokutsky. М., 1908. P. 34, 35 (in Russ.).
18. *Shtammler R.* Economy and law from the point of view of the materialistic understanding history: socio-philosophical research. М., 2010. P. 166–168 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Windelband V.* Preludes / transl. from and the introductory article of S. Frank. М., 2011. P. 284 (in Russ.).
2. *Jellinek G.* The struggle of the old law with the new. М., 1908. P. 17, 22, 47, 49 (in Russ.).
3. *Zhukov V.N.* Russian Philosophy of Law: from Rationalism to Mysticism. М., 2018 (in Russ.).
4. *Kant I.* Criticism of practical reason. 3rd ed. SPb., 2007. P. 83, 90 (in Russ.).
5. *Kant I.* Essays: in Russian and German. М., 1994. Vol. I. P. 285 (in Russ.).
6. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law / comp., note., decree. V.V. Sapova. SPb., 1998. P. 192, 193, 195 (in Russ.).
7. *Novgorodtsev P.I.* From lectures on the General theory of law. Part methodological. М., 1904. P. 78, 79 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. – Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia